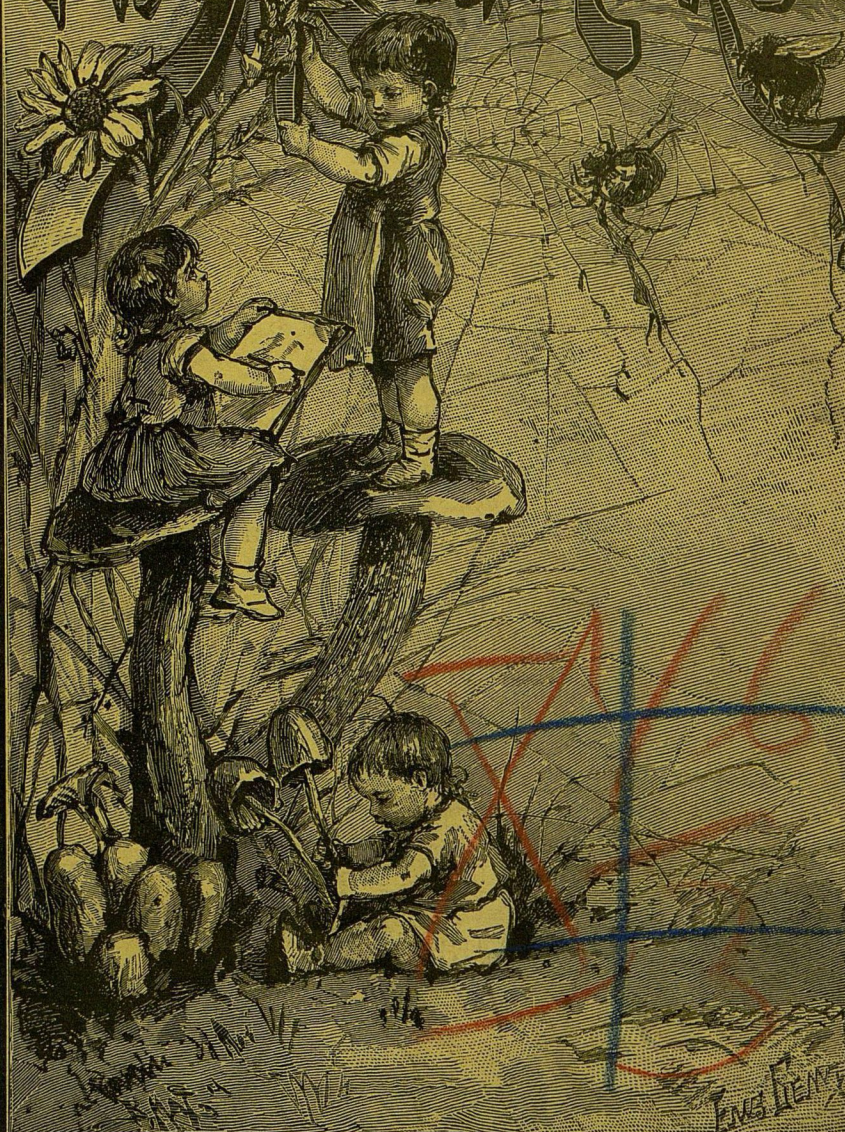

112

1895
7/13

ДЛЯ ДЕТЕЙ

ENGELHART

„ДЛЯ МАЛЮТОК“.

ОСОВЫЙ ОТДѢЛЪ

журнала «ИГРУШЕЧКА».

1895.

ДЕКАБРЬ № 12.

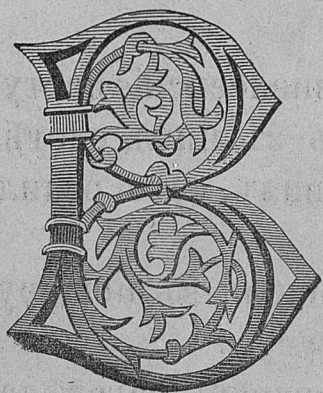
ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. Святая ночь. Съ рис. на отдѣльной страницѣ. <i>В. Барисова.</i>	177
II. У телефона. Съ четырьмя рис. <i>Бумъ-бумъ.</i>	181
III. Два брата. <i>С. Лаврентьевой.</i>	190

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресъ редакціи: Фурштадтская, д. № 44.

СВЯТАЯ НОЧЬ.

отъ уже много-много лѣтъ, какъ люди вспоминають про эту Ночь, и каждый разъ встрѣчаютъ ее съ торжественнымъ весельемъ. Это потому, что въ ту Ночь случилось много необыкновеннаго и радостнаго: въ ту Ночь родился Нашъ Спаситель.

Она была тепла и ароматна: въ той святой странѣ, гдѣ это случилось, всегда тепло, деревья всегда одѣты зеленью, и воздухъ напоенъ ароматомъ...

Въ ту Ночь маленькій городокъ — онъ зовется Вифлеемомъ — былъ полонъ народу: царь приказалъ сосчитать всѣхъ жителей страны, и всѣ пришли; пришелъ изъ Назарета и старый плотникъ Иосифъ съ Дѣвою Маріей.

Они не нашли себѣ мѣста въ городѣ и пріютились на ночь въ пещерѣ, куда пастухи загоняли въ ненастную погоду свои стада.

Тамъ, въ ту святую Ночь, у Дѣвы Маріи

родился Сынъ. Она спеленала Его и положила въ ясли...

Недалеко отъ пещеры виолеемскіе пастухи пасли свои стада. Вдругъ къ нимъ слетѣлъ свѣтлый ангелъ и объявилъ, что родился Христось.

Пастухи тотчасъ-же пошли въ пещеру и поклонились малюткѣ Иисусу...

Тогда-же на востокъ вдругъ загорѣлась необыкновенная, блестящая звѣзда. Ее увидѣли восточные мудрецы и сказали:

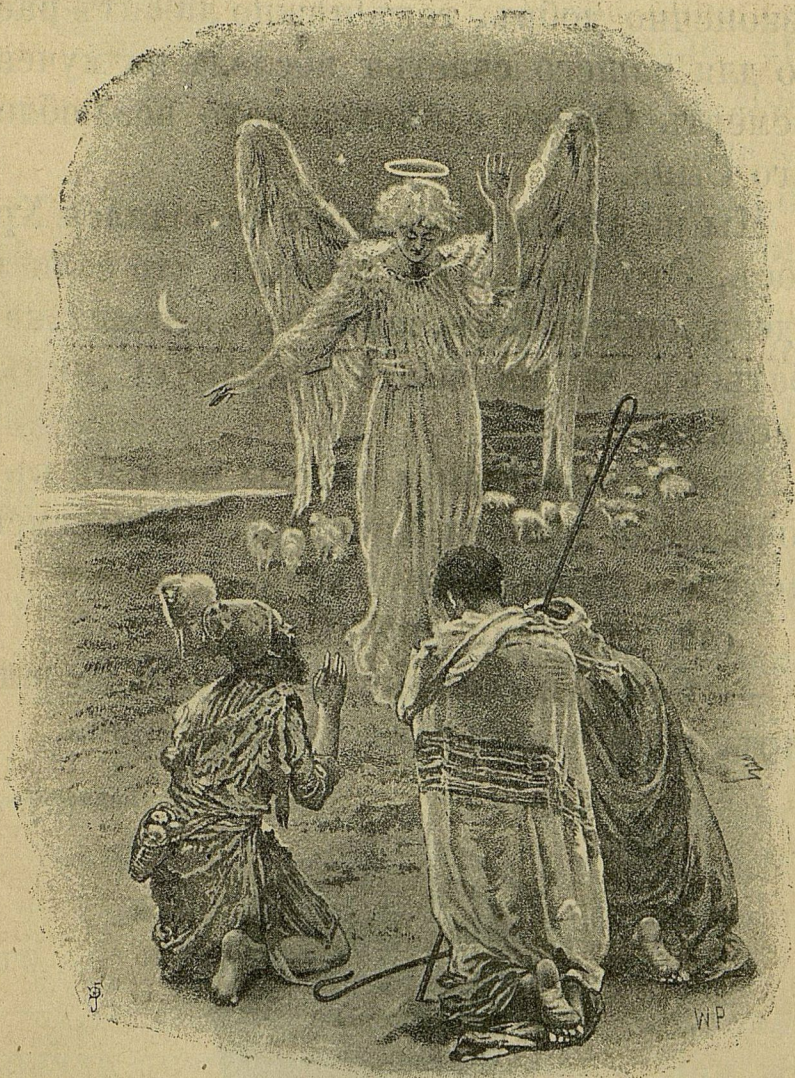
— Вотъ загорѣлась звѣзда родившагося Господа. Пойдемъ и поклонимся Ему!

Они взяли золота, душистаго ладону и благовоннаго масла и пошли искать Христа, а звѣзда шла передъ ними и указывала дорогу...

Такъ было все чудесно и необыкновенно въ ту Ночь, когда родился Малютка-Христось. Это потому, что Онъ не былъ простымъ человѣкомъ, а былъ единственный Сынъ Божій.

Онъ явился на землю, чтобы страдать и умереть за насъ, чтобы спасти насъ отъ нашей дурной, грѣшной жизни и научить насъ тому, чего мы еще не знали.

А мы не знали, что всѣ люди, всѣ мы—

...Вдругъ къ нимъ слетѣлъ свѣтлый ангелъ и объявилъ, что
родился Христосъ...

братья, потому что у всѣхъ насъ одинъ Отецъ—Господь-Богъ, что этотъ Отецъ такъ безконечно добръ, такъ нѣжно любитъ насъ, что для нашего счастья послалъ на мученія и смерть Своего единственнаго возлюбленнаго Сына.

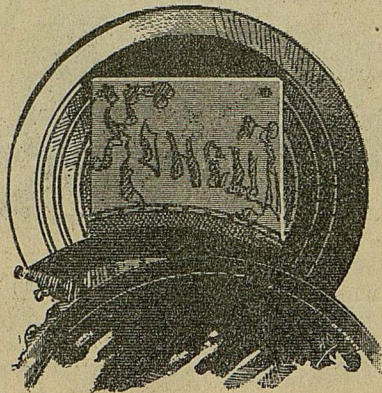
Мы не знали этого, пока не родился Христосъ. Это Онъ намъ сказалъ, что если мы будемъ любить Бога, какъ Отца, а людей, какъ братьевъ, то на землѣ настанетъ миръ и счастье...

Про это-же пѣли и ангелы на небѣ въ ту Ночь, когда родился Христосъ, и виолеемскіе пастухи слышали эту пѣснь.

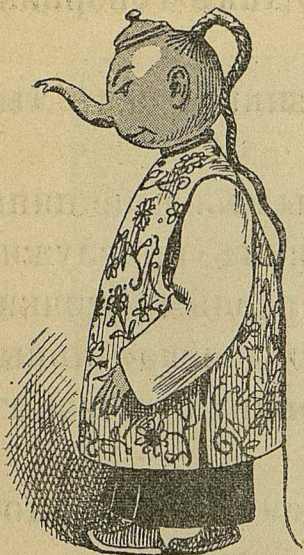
отъ что пѣли ангелы:

— Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, и въ человѣкахъ благоволеніе!...

В. Борисовъ.

У ТЕЛЕФОНА.

Вѣруша пришла проситься съ папой. Ей давно пора спать, но она просить позволенія посидѣть въ папиномъ кабинетѣ и поговорить о будущей елкѣ.

— Папочка, скажи, когда ты былъ маленькій, такой, какъ я, къ тебѣ при-

ходилъ старичокъ?

— Да, приходилъ и приносилъ мнѣ елочку, отъ которой такъ хорошо, хорошо пахло.

— Какъ звали твоего старичка, папочка?

— Его звали Никитой...

— Значить, и завтрашняго старичка будутъ звать Никитой. Всѣхъ старичковъ, которые приходятъ къ дѣтямъ, зовутъ Никитой?

— Зачѣмъ-же всѣхъ! Никитой звали нашего дворника.

— Дворника? Нѣтъ, папочка, ты забылъ, старички дворниками не бываютъ. Они живутъ въ лѣсахъ. Тамъ у нихъ есть домики изо льда; и постельки изо льда, и столики, и стулья, и свѣчки, и ложечки, и чашечки,

все, все изо льда. Няня мнѣ такъ говорила. А она ужъ знаетъ.

— Только такія «глупышки», какъ ты, могутъ этому вѣрить.

— Нѣтъ, папочка, ты забылъ... Еще няня говорила, что этимъ старичкамъ прислуживаютъ зайчики, бѣлочки и разныя птички. Говорила также, что гдѣ-то далеко—львы, слоны, также какъ и мы, устраиваютъ своимъ дѣткамъ елки...

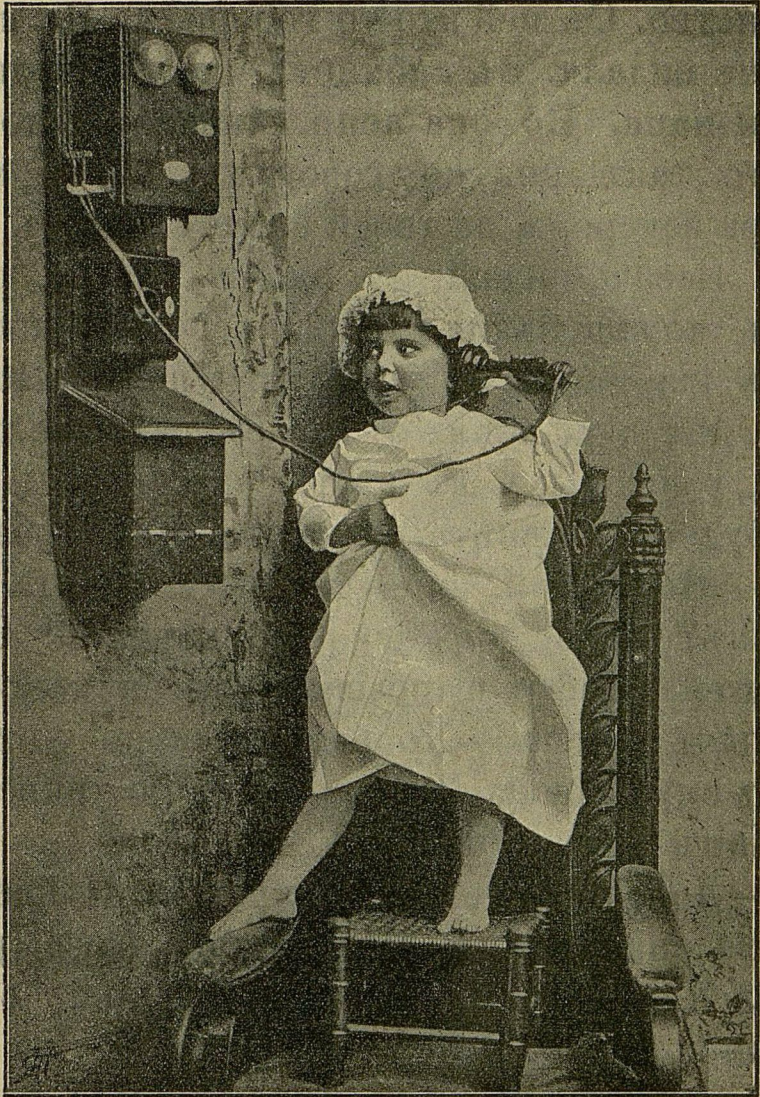
— Пусть будетъ по твоему, мое родное дитя! Когда вырастешь, все узнаешь...

— Тебѣ, навѣрное, твоя няня говорила объ этомъ, но ты позабылъ.

— Да, дитя, говорила, и я хотѣлъ бы сдѣлаться снова такимъ маленькимъ, какъ ты, и вѣрить сказкамъ.

— Папуля, скажи мнѣ, дорогой: что это за трубочка виситъ у твоего маленькаго шкафчика?

— Это не шкафчикъ, дружокъ, а телефонъ... Въ это время у телефона раздался звонокъ. Отецъ подошелъ и приложилъ ухо къ трубкѣ. Постоялъ немного, поговорилъ, затѣмъ поставилъ на кресло свою дочку, далъ ей трубку и сказалъ: «слушай, Вѣруша!» Вѣруша приложила трубку къ уху и начала

У телефона.

слушать. Ея ротикъ открылся отъ удивленія, а глазки устремились куда-то въ пространство. Съ ней кто-то говорилъ. Но кто? она не видала. Въ кабинетѣ ихъ было двое: она и папа. Но она ясно слышала, что ей кто-то такъ внятно говорить: «Дитя мое, завтра вечеромъ на твоей елочкѣ будетъ горѣть тысяча огней, и висѣть масса разныхъ хорошенькихъ бонбоньерочекъ, цвѣтныхъ шариковъ, а также игрушекъ. Подѣлись, дѣточка, всѣмъ этимъ съ тѣми малютками, у которыхъ въ этотъ радостный день не будетъ ни свѣта, ни тепла, ни хлѣба»...

— Послушай, папочка, что говоритъ телефонъ? Какой онъ добрый, хорошій! Онъ просить, чтобы я позвала завтра къ себѣ бѣдныхъ дѣтокъ.—Хорошо, хорошо!—отвѣчаетъ ему Вѣруша. Я попрошу няню привести къ намъ всѣхъ бѣдныхъ дѣтокъ.

— Довольно, моя милая крошка. Пойдемъ, сядемъ на диванъ. Посмотри, какъ разгорѣлся нашъ камелекъ... согрѣй свои ножки...

Отецъ и дочка сѣли. Диванъ былъ такой мягкій, обить бархатомъ. Надъ каминомъ висѣло большое зеркало и отражало всю богатую обстановку кабинета. Вѣруша, при-

жавшись головкой къ папиному плечу, говорила:

— Папочка! Мнѣ жаль бѣдныхъ дѣтокъ, о которыхъ мнѣ говорилъ телефонъ. Они

вѣдь такія же, какъ я. Имъ также хочется кушать, играть. Сдѣлай, папочка, чтобы всѣмъ, всѣмъ дѣткамъ было тепло, чтобы всѣ они были сыты и чтобы у нихъ было все, все... Да, папа, сдѣлаешь?

— Хорошо, моя дорогая, постараемся отыскать бѣдныхъ дѣтокъ и поможемъ имъ.

— Знаешь, папочка, что можно сдѣлать! сказать нянѣ, чтобы она пошла къ нашему дворнику и спросила у него: гдѣ въ нашемъ домѣ живутъ бѣдные дѣти.

— Что же, это прекрасно!

— А вотъ, что, папочка, если бы всѣ, всѣ богатые, постарались узнать о тѣхъ бѣдныхъ, которые живутъ въ ихъ домѣ, то мнѣ кажется, можно бы было всѣмъ помочь...

— Тебѣ, малютка, пора спать.—Папа позвонилъ. Вошла няня, а за ней и мама, и нашу милую крошку унесли въ постельку и укрыли теплымъ одѣяльцемъ...

Мама перекрестила ее и также легла.

Розоватый свѣтъ лампы освѣщалъ чистенькую кроватку Вѣруши и ея чудную головку, спокойно лежащую на мягкой подушечкѣ. Вдругъ ручки ея потянулись по направленію, гдѣ лежала мама, еще не успѣвшая заснуть.

— Мамуся,—бормотала сквозь сонъ Вѣра,—посмотри: наша «машурочка» и «зайчикъ» собрались тоже къ кому-то на елку. И какъ разодѣлась! Она въ твоей шляпѣ, а онъ въ шляпѣ нашего Семена...

— Спи, дорогая, Господь съ тобой!

— Я сплю, мамуся.

Сказавъ это, Вѣруша обвила свою головку рукой, и въ комнатѣ снова водвори-

лась тишина. Но мама не спала. Бредъ дочки напугалъ ее.

— Всегда передъ елкой она бредить! — успокаивала себя мама. — Это все няня со своими сказками... Наскажетъ ей разныхъ небылицъ...

— Мамочка! Посмотри скорѣй сюда. Ахъ! какая смѣшная! Я въ первый разъ вижу слонику одѣтой почеловѣчески да еще въ очкахъ! Посмотри, какъ она моетъ своего слоненка. Посмотри: набрала въ хоботъ воды и окачиваетъ его, умница, — знаетъ, — что дѣтей надо держать въ чистотѣ...

Няня, услыша, что Вѣруша разговариваетъ, вошла въ комнату и, подойдя къ кровати, повернула ее съ лѣваго бока на правый...

— Вотъ, няня, — сказала Вѣрушина мама, — вы рассказываете своей воспитанницѣ о разныхъ звѣряхъ, они ей и снятся... Сейчасъ она говорила про кошекъ, а потомъ про слониху.

— Вѣдь вы сами, сударыня, возили ее въ Зоологическій садъ. Не я, а она мнѣ рассказывала о львахъ, слонахъ и крокодилахъ.

— Мама, мама, иди скорѣй сюда и посмотри, старый левъ вышелъ изъ клѣтки, надѣлъ платье сторожа, даже башлыкъ не забылъ и несетъ своего внучка. На ногахъ туфли, хвостъ точно штопоръ... А внучокъ-то, внучекъ, какъ плачетъ... Вѣрно, они тоже идутъ на елку. Что-жъ и свѣта, и тепла, и

Старый Левъ.

хлѣба у насъ на всѣхъ хватить... Папа сказалъ «постараемся».

Послѣ этого Вѣруша проспала спокойно до утра.

День былъ солнечный. Яркіе, но холодные лучи, ударяя въ замерзшія стекла Вѣрушиной комнаты, блестѣли, какъ алмазы.

Бумъ-бумъ.

ДВА БРАТА.

(Картинка).

Это были два мопса. Старшаго звали Боби; меньшаго—Бобси. Старшему было четыре года, меньшему четыре мѣсяца. Боби былъ толстъ, ходилъ тихо и смотрѣлъ строго. Бобси былъ еще малъ и худъ, безпрестанно вертѣлся и со всѣми заигрывалъ. Но оба были сѣраго цвѣта, съ черной полоской вдоль спины; у обоихъ были черныя, курносая мордочки, черныя, блестящіе глаза и хвостики, круто закрученные кренделемъ.

Боби былъ уже опытенъ; Бобси, напротивъ, былъ очень беззаботенъ и не зналъ опасности. Но старшій братъ охранялъ его и берегъ. Когда Бобси выпускали на дворъ и онъ мчался по немъ, какъ бѣшеный, Боби медленно выходилъ за нимъ слѣдомъ и, мол-

ча, ложился посреди двора. Онъ не спускалъ глазъ съ младшаго брата. Если Бобси, по своей безпечности, направлялся къ конурѣ цѣпной собаки, Черкеса, — Боби принимался громко ворчать, какъ бы предупреждая его объ опасности; если же Бобси не возвращался, Боби, какъ ни лѣнь было ему, поднимался съ мѣста и, переваливаясь, бѣжалъ къ брату и отгонялъ его прочь. Также отгонялъ онъ отъ Бобси охотничьихъ собакъ, Фата и Боя, какъ только тѣ приближались къ беззаботному щенку. И Бобси слушался брата и всего охотнѣе игралъ съ нимъ, а Боби позволялъ ему теревить себя и кусать, а самъ только осторожно огрызался.

Въ домѣ, гдѣ жили Боби и Бобси, были дѣти, которыя очень любили обоихъ мопсовъ. Но теперь они болѣе возились съ Бобси, такъ какъ онъ былъ забавнѣе Боби и самъ охотнѣе игралъ съ ними, чѣмъ толстый Боби. Боби болѣе всего любилъ теперь кататься; когда къ крыльцу подъѣзжала линейка, запряженная двумя осликами, которыми правилъ маленькій Миша, Боби первый вскакивалъ на подножку и важно усаживался на подушкѣ линейки. Бобси боялся кататься и предпочиталъ оставаться дома. Но когда дѣти и Боби возвращались съ прогулки домой, Бобси съ радостнымъ визгомъ встрѣчалъ и дѣтей, и Боби, который тоже,

какъ и дѣти, ласкалъ его и заигрывалъ съ нимъ.

Ночью Боби спалъ на диванѣ, въ спальнѣ своей барыни, которая, уложивъ его, покрывала теплымъ одѣяломъ. Бобси спалъ у дѣтей. Его укладывали въ кроватку, принадлежавшую прежде куклѣ. Кроватка была съ бочками; въ ней лежалъ мягкій тюфячекъ и подушечка, наволочка обшитая кисейной оборкой. Бобси клалъ свою черную мордочку на подушку, а старшая дѣвочка, Зина, закутывала его краснымъ одѣяльцемъ. Рядомъ съ нимъ клали его любимую куклу, въ тепломъ шерстяномъ платѣ, въ которое Бобси пряталъ свой курносенькій носъ и засыпалъ сладко. Улягутся и дѣти. Заснуть всѣ. И сладко спить Бобси, и бѣлокурые волосы куклы прикрываютъ его черную мордочку, и тепло ему, какъ ни воетъ на дворѣ вѣтеръ, какъ ни стучить по стекламъ дождь. Спитъ онъ беззаботно. Знаетъ, что и дѣти любятъ его, и братъ Боби сохранить и сбережетъ его. А Боби радъ тому, что ему есть кого любить, и спокойно спятъ оба брата.

С. Лаврентьева.

